

ИСТОРИИ ОТ ПАЛЫЧА

Был в моей жизни настоящий друг Николай Павлович. Дружили мы с ним более двадцати лет, пока он не ушёл в мир иной. Очень с ним было легко, за всё время ни разу не поссорились, так – некоторые разногласия, которые быстро угасали, и сейчас я понимаю, что благодаря именно ему, его лёгкому и доброму характеру. Николай Павлович был интересным собеседником, и разговаривали мы, не сидя за чаем, а гуляя по улицам Томска, выбирая старые улочки с деревянными домами, в которых жила сама история. Наши пешие прогулки, бывало, занимали по нескольку часов, но за разговорами мы не ощущали усталости. Да и что может быть лучше прогулки с приятным и интересным собеседником? Помню, как я слушала истории Николая Павловича, и мне хотелось поделиться ими с другими, и я просила его написать о себе. А он всё отнекивался и говорил: «Вот придёт время, и ты сама напишешь, всё что захочешь...». И действительно, многое из тех рассказов стало выходить из глубин памяти, как только я села писать первый рассказ о своём старом добром друге. Как будто это он сам, из того, неизвестного нам ещё мира, посылает сигналы: мол, хорошо, пиши, а я буду подсказывать то, что ты забыла...

Так и родился этот цикл рассказов, который я назвала очень просто: «Истории от Палыча». Потому что все окружающие так его и звали: просто Палыч. Рассказы получились разными. Где-то я писала о главном герое от третьего лица, а где-то повествование пошло от первого, я будто снова шла с Николаем Павловичем по улочкам старого Томска и слушала в который раз его истории о себе и необычной судьбе его родителей и всего его рода. А, может, это он сам диктовал мне эти строки из того мира, где сейчас обитает его душа...

СЫН СВЯЩЕННИКА

С годами Николай Павлович стал ходить в церковь на службу. Случилось это в середине девяностых, когда в Томске, как и по всей России, стали повсеместно открываться и реставрироваться храмы. Сначала один-два раза в месяц, «когда голубь поманит», так объяснял Палыч своё желание зайти в храм. Но в последние годы в церковь он стал ходить каждое воскресенье. Особенно полюбил пение на клиросе. И обязательно что-нибудь покупал на стол для подаваний.

– Нельзя в гости ни к Богу, ни к людям с пустыми руками ходить, – говорил он и заходил в магазин, чтобы купить хлеб и пряники. Ходил в разные

церкви. Очень любил службы в Знаменской церкви, где были три небольших, но уютных придела. Одно время Палыч ходил и в Богородице-Алексиевский мужской монастырь, где вечерние службы хоть и были длиннее, чем в других томских храмах, но зато очень красиво и душевно пел стройный хор из сильных мужских голосов. Но была и другая причина. Николай Павлович ходил туда, чтобы поклониться мощам святого праведного Фёдора Томского. Он искренне восхищался духовным подвигом старца Фёдора Кузьмича. И верил в легенду, что этот старец был не кем иным, а российским императором Александром I, отказавшимся от власти и богатства в пользу духовной жизни.

Но в последние годы жизни Палыч ходил в церковь, которая была ближе всего к его дому и где его когда-то окрестили. Вот как об этом рассказывал сам Николай Павлович:

– Окрестили меня в 1936 году в Воскресенской церкви, что на Октябрьском взвозе. По словам мамы, я так громко закричал и так сучил ножками, что батюшка сказал: «Наверное, певцом будет или священником. И ходить ему по свету придётся немало». Ни певцом, ни священником я не стал, голос у меня от природы громкий, да слуха нет. Но петь люблю, мурлыкаю что-нибудь себе под нос, когда дела какие-то делаю. Не то что мама. У неё и слух, и голос был, пела и сама мелодии подбирала на гитаре.

А церковь эту, Воскресенскую-то, через два месяца после моего крещения и закрыли. А открыли только через шестьдесят лет. Это ж почти жизнь человеческая, более полувека прошло! Хорошо, что не снесли. Чего там только не было за годы советской власти: и общежитие, и гараж, и даже тир для НКВД, а с конца войны всю церковь отдали под архивы. Благодаря этому она и сохранилась. Я был на её открытии в 1995 году, был и на других праздниках, смотрел, как реставрируют этот великолепный храм в стиле сибирского барокко, как устанавливают новые колокола. Наблюдал, как много людей пошло в церкви – стали крестить детей и сами получать святое крещение.

Я ведь сын священника, но узнал об этом, когда стал уже взрослым. Отец мой Павел Тихонов отказался от сана в тридцатых годах. Вынужденно, конечно. Одно время скрывался от власти. Да и я родился не в браке. Вот, может, грехи-то за весь род и отрабатываю. Нет ни семьи, ни детей...

Палыч вздохнул и продолжил тему, видя, что мне она интересна:

– Мама у меня бедовая была. Влюбилась в священника на пятнадцать лет её старше. И его в себя влюбила – четверых детей от него родила, но двое первых умерли в младенчестве. А я выжил. И чтобы у ребёнка защита была, подсказали ей назвать меня в честь святого. Я родился 4 июня 1936 года. Ближе всех к этому дню был Никола летний. Вот и назвала меня мама Николаем и Николаю Чудотворцу за меня всю жизнь молилась. «Ты у меня богатырь, – говорила она мне с нежностью, – почти под пять кило весил при рождении». Ну, а потом я в росте подкачал, как, наверное, и все, чьё детство попало на военные годы. Но нога «ого-го»: сорок пятого размера. В армии все, кто был моего роста, больше уставали, так как площадь ступни была мелкой. А у меня – дай Бог каждому. Помогали мне мои ноги по свету ходить. А походил я немало. Как и предсказывал тот священник.

Своего отца я узнал, когда мне шёл девятый год. А до этого рос с мамой и бабушкой. Отца моего, по словам мамы, женили рано и не по любви. Принято так было у священников – надо приход получать уже в статусе женатого батюшки. Вот две соседские семьи священнослужителей и поженили своих детей. Двоих ребятишек те уже растили, и тут вдруг такая любовь батюшки к совсем юной девице, его прихожанке. Оба они – и он, и моя мама – долго сопротивлялись своим чувствам, а потом долго скрывали их. Но, видно, судьба притянула их друг к другу. Хотя и тяжёлая это была любовь, но и радостная тоже. Мама говорила мне, что для неё главным было, чтобы дитё было от её любимого человека, чтобы его частичка осталась... И ей всё равно было, что думают об этом другие люди. Даже мать родная осуждала её. Но любовь всё сметала на своём пути, любые упрёки и косые взгляды... Жена отца знала об этой связи и о том, что где-то у мужа живёт ещё один сын. Может, и переживала по этому поводу. Вот только, по словам мамы, отпустила она его в другую-то семью. А мама моя даже с его взрослыми детьми – сыном и дочкой – познакомилась, и понравилась им. Да и как не понравиться? У мамы моей весёлый нрав был, неунывающий. Она всем нравилась.

Воссоединились они только в конце войны, в 1944 году отца после ранения демобилизовали, и он приехал жить к нам. Взрослые дети его тогда тоже на фронте воевали. Отец многому меня научил за те полтора года, что жил с нами. Но не специально. Я просто наблюдал, как ловко он чинил разную кухонную и хозяйственную утварь, как запрягал лошадь. А потом, когда стал сам что-то мастерить, вроде как всё само получалось. Очень я технику любил. Сам радиоприёмники собирал, а когда появились телевизоры, то и телевизор себе собрал. Тогда в Томске можно было купить детали и собрать всё самому.

Когда мне было лет десять, помню, как отец отвозил меня на лошади на пароме на ту сторону реки Томи, к родственникам. С собой мы везли лузгу в трёх мешках. В качестве подарка. Это такая шелуха от молотого зерна. Где-то отец её раздобыл. Из этой лузги тётя моя, сестра отца, пекла блины. Лузгу она насыпала в ведро, заливала холодной водой и ставила отстояться на всю ночь. А утром осторожно сливала воду с поднявшейся шелухой. На дне ведра оставалась тонкая прослойка муки. Вернее, не муки, а бледно-белой водички. И вот из этой водички надо было исхитриться так, чтобы получились блины. Эти блины были настоящим лакомством, хоть они и горчили. Я прожил тогда в тёткиной семье две недели, подружился с моей двоюродной сестрой Раей, постарше меня, и двумя братьями – ровесником Вовкой и младшим Борькой. Мы бегали и играли, и вечно хотели есть.

А в первый день, помню, я у них отравился. Потому что мы с отцом почти целый день у реки прождали и проголодались сильно. Была большая очередь на речной паром, а ходил он по Томи медленно. С собой никакой еды не догадались взять. Помню, накормили меня тогда какой-то свекольной кашей. И я набросился на неё. А потом рвало от непривычной еды. Всем в то время было нелегко. Но я видел, что в тётушкиной семье жилось ещё беднее.

А отвозили меня к тётке, чтобы не травмировать похоронами бабушки. Когда привезли обратно, бабушки уже не было... А ещё через полгода не стало

и отца. Ранения догнали его. Мама тогда сказала, что соседка, увидев, что гроб у бабушки был длиннее её роста, сказала, что это плохая примета и, мол, быть ещё покойнику в доме. Так оно и оказалось.

Мама всю жизнь была верующей, да и отец, отказавшись от сана, не отказался от Бога. Ведь Бог – в душе. И для этого не надо никаких регалий и атрибутов. Хоть ими и богата православная церковь.

Мы с мамой на службе стояли, всенощная шла в Петропавловском соборе, его открыли в Томске после войны. Зима. Холодно. От холодного воздуха и ладана белый туман. Наутро мы узнали в больнице, что отца не стало.

На память об отце у меня остался кортик, вернее, финка, которую отец привёз с финской войны. Пришлось ему идти в рукопашную с противником намного его сильнее и выше; отец уже и с жизнью попрощался, но судьба оказалась на его стороне... Они боролись в грязном снегу, и отец был подмят противником, но изловчился, и финн напоролся на свой же нож... На вторую войну – Великую Отечественную – отца по возрасту уже не брали, но он выпросился добровольцем. Как-то взрывом убило повара вместе с лошадей и баком с кашей. Осталась только огромная воронка. Отец любил лошадей и умел управляться с ними, и его назначили поваром. А готовить учился уже на ходу. У отца было три ранения, но всё же остался жив и, хоть немного, но пожил рядом с любимой женщиной и сынишкой.

– М-да... – протянул Николай Павлович и опять задумался о чём-то своём. А затем продолжил свой рассказ:

– Немного мы прожили полной-то семьёй. После смерти бабушки и отца нам отказали от казённого жилья. Бабушка ведь работала кастеляншей в Томском роддоме № 2. Благодаря этому мы и получили казённое жильё там же, на первом этаже роддома. Он и сейчас стоит на том же месте на улице Ленина. Только кроме старого здания появилось ещё и новое – бело-кирпичное и современное, стоит оно на улице Розы Люксембург, в просторечии – Розочке, рядом с трамвайной линией. А напротив кинотеатр «Родина», его потом переименовали в «Киномакс», мода пошла – советские названия переименовывать.

Помню я нашу небольшую комнатку в этом роддоме, где почти половину занимала печка. Мне нельзя было выходить днём, и только вечером заведующая роддомом Ольга Генриховна, строгая такая немка, позволяла мне побегать или покататься на трёхколесном велосипеде по пустым коридорам. По десять раз туда и обратно. И ни разочком больше. А звала она меня Кокой. Посмотрит так строго и скажет, чётко выговаривая слова: «Ну, Кока, я надеюсь, что ты не будешь баловаться, здесь шуметь нельзя». Я слушался. Я вообще был очень дисциплинированным. Хотя мне тогда было всего пять лет. А днём я сидел с бабушкой и смотрел, как она штопает халаты, рубашки, простыни и полотенца, а затем гладит их на большом столе.

А стирать отвозили в другое место. Всё бельё складывали в большие узлы и на телеге отвозили в прачечную. Вместо коня, помню, был бык, и звали его Андрюша. Хотел – вёз, хотел – не вёз. Много мучений было заставить его пойти у молоденькой санитарки. Помню, как она упрашивала упрямого быка везти телегу с бельём и подманивала его с помощью кусочка хлеба с солью: «Ну

Андрюша, ну скушай». И это в то время, когда хлеба не хватало. Шла война. Великая Отечественная.

Питались мы тогда тоже с казённого стола, скудно-бедно, конечно. Вторые блюда нам не доставались, всё ведь для рожениц готовилось. Оставался только суп, вернее, щи, где в основном оставалась одна капуста. Бабушка приносила кастрюльку в нашу комнату, и мы разогревали её на печке. Если было растительное масло, которое бабушка приобретала или выменивала на базаре, то щи выпаривали и добавляли масло. Получалась тушёная капуста. Ели, и было вкусно. На базар по выходным дням ходила бабушка. Там она продавала или выменивала вещи – на продукты и спички. Так и ушли из нашей семьи многие старинные книги и вещи, напоминавшие бабушке и маме их благополучную жизнь до революции. Но дореволюционное издание Библии на церковнославянском языке с медными застёжками и икону Николая Чудотворца, а также старые фотоальбомы мама с бабушкой сохранили.

Во дворе роддома работницы в военное время устроили огород. Там росли помидоры и огурцы, капуста, морковь и свекла, а также лук и укроп. Иногда я играл в том дворе с местными ребятами. Но многие были хулиганистые, матерились. А я с детства не люблю матерки. Не переносу и всё. Наверное, так мать с бабушкой приучили. И сейчас никогда не сквернословлю.

Через какое-то время мне дали место в детском саду. Этот сад был рядом с роддомом, метров пятьдесят, не больше. Сейчас это здание занято какой-то медицинской лабораторией. И стоит оно на перекрёстке улиц Ленина и Дальне-Ключевской. Жёлтое двухэтажное здание, которое когда-то было детским садом.

Помню, как однажды в саду нам, детям, рассказали про бомбёжки. Мне, пятилетнему и очень впечатлительному ребёнку, показалось, что вот сейчас бомба упадёт на детский сад, и я, испугавшись, убежал из сада домой. Прибежал, уткнулся бабушке в колени и плачу. А затем хватаю бабушку за подол: «Ба-ба! Бежим! Сейчас бомба упадёт!». – «Что ты, что ты, милоч. Да какая бомба?! Нет тут никаких бомб», – успокоила меня бабушка и привела обратно в садик.

Так и жили мы в роддоме. И отец туда к нам пришёл после войны, его завхозом взяли. Тогда и лошадь в роддоме появилась. Там же родилась моя сестрёнка Наташа. Маме надо было только на второй этаж подняться.

А когда мне шёл уже одиннадцатый год, в Томске случился сильный паводок, как говорили тогда, самый сильный за последние сто лет. Людей погибло более трёх сотен, а скотины – больше тысячи. Уровень воды был более семи метров. Случилось это наводнение 12 апреля 1947 года. И вода стояла почти две недели. Люди на плотам передвигались. А мама моя в сапогах по крышам гаражей и сараев передвигалась в сторону трамвайной улицы Розочки. Там у неё была работа. Я слышал, как мама рассказывала бабушке, что река Томь вышла на луга и затопила город и колхозные поля возле Чёрной речки. Городская речка Ушайка тоже вышла из берегов и затопила весь Коммунистический проспект. В то время так назывался отрезок по улице Ленина от Центрального универмага до Черемошников. Вода перелилась через пристань на правом берегу. А на левобережье затопило все луга, Нижний Склад и Эушту.

Ещё через несколько дней вода прорвала дамбы в районе Черемошников. Залило уже территории Карандашной фабрики и Мясокомбината. Затопило все прибрежные улицы: Мельничную, Войкова, переулоч Сухоозёрный. Вода дошла аж до Лесоперевалочной базы на Черемошниках.

Чтобы устранить этот затор, вызвали специалистов и рабочих. Более тысячи человек работали, в том числе авиация и подрывники. Людей эвакуировали из затопленных домов. Более сотни семей вывезли.

У нас в семье осталась фотография на память о том событии. Улицы, затопленные водой, и люди, плывущие на плотках. Для нас, подростков, это было интересное приключение, в школу не надо ходить. А взрослые, конечно, натерпелись страху. Помню, как все обсуждали тогда, что опасна не только большая вода, но и то, что она может замкнуть электрические сети, лишит людей жизни и испортит оборудование...

Ну а где-то через неделю вода стала постепенно спадать. Жизнь нормализовалась. Дети в школу пошли, обсуждали потом на переменах, кто и что интересного видел и слышал во время наводнения.

Николай Павлович помолчал, а затем лукаво улыбнулся и сказал:

– А хочешь, расскажу ещё одну интересную историю из моего детства? Про привидение?

– О! Ну конечно, расскажите! – воскликнула я. Николай Павлович выдержал паузу, чтобы подогреть моё любопытство, затем хитро улыбнулся и продолжил своё повествование:

– У здания роддома, где мы тогда жили, была интересная история. Раньше, ещё до революции, это была больница, а улица Ленина тогда называлась Миллионной. Больницу эту называли в Томске Некрасовкой, по имени Ивана Некрасова, который её и построил в самом начале 1900-х годов.

Он был интересной личностью, этот Некрасов. Настоящий меценат, человек, который не только умел зарабатывать деньги, но и много жертвовал для родного города.

Он был городским головой, сейчас бы сказали, мэром, а также гласным городской думы, по-современному – депутатом. А ещё – владельцем кирпичного завода. Из его кирпича в Томске построено много старинных зданий, в том числе Петропавловская церковь. На неё он жертвовал кирпичи совершенно бесплатно. А также на его кирпиче построены корпуса Томского политехнического института. Я когда-то в нём учился. Но это уже другая история. Некрасов выстроил и подарил городу многие здания, в том числе и это здание в два этажа – под больницу. Да ещё сверху дал несколько тысяч рублей для того, чтобы обустроить больницу внутри. По тем временам это были очень большие деньги. Вот такой был человек. Уважали его в городе, дали звание потомственного почётного гражданина. Это значит, что и дети его могли носить это звание. А сейчас это звание тоже в Томске имеется, но, конечно же, потомкам его уже не передашь.

Может быть, потому, что здание это старинное и там чего только не было за эти годы: и инфекционка, и родовспоможение, а значит, и люди умирали, и младенцы, и абортыв делались... но стали там вдруг твориться разные странности. Люди стали видеть привидение и иногда слышать детский смех. В ос-

новном по ночам и в дальней части больницы, за толстыми дверями, где даже окно было замуровано. Там было складское помещение. Медсёстры и санитарки боялись туда заходить поодиночке.

А вот бабушка моя ничего не боялась. Заходила и говорила в дверях: «Я ненадолго. Возьму только одеяла и уйду. Тебя не побеспокою». И привидение молчало. Вот такая история. Не знаю, как сейчас в этом здании живётся роженицам и медперсоналу.

А когда отца с бабушкой не стало, комнату в роддоме пришлось освободить. Мама-то работала в другом месте. Ну и началась чередой наших скитаний по углам...

ПОКА ЖИВЁШЬ – НАДО ПОМОГАТЬ

«Пока живёшь – надо помогать. Иначе в этой жизни нет смысла». Так думал Николай Павлович, засыпая.

Для всех он был просто Палыч. Простой и добродушный, всегда готовый помочь, он почти всю жизнь прожил с мамой, так и не создав своей семьи. Когда-то, в молодости, влюблялся, но в основном в недостижимый для себя образ. Природная застенчивость и скромность не позволяли подойти к тем девушкам, которые нравились. А тех, кто сами на шею вешались, Палыч всегда избегал. Не его это была порода. Так и прожил с мамой большую часть своей жизни. Сначала снимали углы и квартиры, где придётся, а потом, поднакопив деньги, купили половину дома. Мама была долгожительницей, прожила почти 95 лет. Николаю Павловичу было тогда 75, и он ещё продолжал работать. В коллективе, конечно, поддержали – помогли с похоронами. Но без мамы Палычу стало одиноко. На работе это никак не ощущалось. Характер у Палыча был лёгкий, общительный и неунывающий, поэтому всегда находились собеседники. А вот дома... прежде такие родные стены вдруг стали давить на него. Лишь во дворе он получал радость – от копания в огороде и от общения с четвероногими друзьями, которые любили и ждали его.

А когда стало тяжело обрабатывать огород, заготавливать дрова и топить печку в холодное время года, решил Палыч продать свои полдома и купить квартиру. Получилась лишь комнатка в коммуналке, но он и этому был рад. Всё есть: горячая и холодная вода, электричество, а то, что ванная да туалет на четырёх хозяев, так что ж, зато тепло. И соседи – не проблема, он со всеми привык ладить. Палыч когда-то мечтал жить на высоте, чтобы одним взором окинуть все окрестности вокруг. Мечта исполнилась, хоть и под старость лет. Его новое жильё оказалось аж на «седьмом небе», как говорил сам Палыч. Теперь он мог выходить на балкон и обозревать всю округу, особенно вечерами, когда зажигались лампочки в окнах напротив и улицы освещались тусклыми огнями фонарей.

Любил Палыч такие летние вечера. Он смотрел с высоты седьмого этажа на деревянные домики с узорными ставенками, из окон которых струился тёплый, домашний свет, и представлял, что там сейчас делают их обитатели. Может быть, готовят ужин или смотрят телевизор, а рядом играют ребяташ-

ки. – Всё-таки человек не должен быть одинок. У каждого рядом должна быть живая и любящая душа. Так думал Палыч и вспоминал свою жизнь с мамой в таком же деревянном доме.

Но иногда его созерцательное одиночество нарушали. Рядом проживала старушка Валентина Ивановна, постарше его и огромная любительница покурить. Она тоже любила стоять на балконе и смолила одну за другой сигареты. Это некурящему Николаю Павловичу доставляло неудобство. Но что поделаться, пришлось терпеть.

Терпел Палыч почти всю жизнь, такой у него был характер: добрый и покладистый.

– Лучше подстроиться под человека, чем обидеть и поссориться с ним, – говорил он своей соседке по коммуналке. Она же, зная по его рассказам, как он бегаёт по праздникам в магазин за водкой для своих товарищей на работе, часто возмущалась:

– Вы старше всех в своём коллективе! Доколе вы будете, как мальчик на побегушках? Все вами пользуются кому не лень, и на работе, и здесь – во дворе: «Палыч, подай, Палыч, принеси, Палыч, помоги...». Почему не можете отказать? Есть же те, кто моложе.

– Зачем? – искренне удивлялся Палыч. Мне это приятно – помочь людям там, где это нужно. А за водкой хожу из хитрости. Вы думаете, я мягкий, а я – хитрый. Принёс им бутылочку, выпил с ними немного и – домой. А они пусть себе квасят хоть до ночи, и долгие беседы ведут. Главное, я перед ними долг выполнил. От компании не отвернулся.

– Ну-ну, – отвечала елеинным голосом Валентина Ивановна. – А утром вы, придя на работу, ещё и всю грязную посуду за ними перемоеете. Это тоже – из хитрости?

Палыч молчал и только улыбался в ответ, чем сердил соседку. Но улыбка была такая широкая, а глаза такие добрые, что долго сердиться она не могла. В такие минуты весь облик Палыча почему-то напоминал ей лик Николая Чудотворца со старинной, фамильной иконы в комнате соседа.

Днём Палыч тоже выходил на балкон и наблюдал за детишками. Они весело кричали под окнами, их голоса переплетались, сливаясь в один многоголосьный ребячий гул. Этот шум раздражал соседку, а Николаю Палычу нравился. Он любил детей и очень сожалел, что не довелось ему создать своей семьи.

О своём прошлом житье в деревянном доме он уже не переживал, хоть и любил раньше повозиться в огороде – выращивал картошку и другие овощи, как и полагается человеку, имеющему свою землю. А жалел и беспокоился Палыч о собаках, оставленных во дворе старого дома.

Продав Палыч свою половину дома не совсем добросовестному человеку. Тот выкупил одну половину дома, а затем и Палыча уговорил продать свою. И стал сдавать обе половины дома – гастарбайтерам. Это были киргизы, узбеки, таджики, туркмены, попадались люди и другой национальности, которые ехали на заработки в Сибирь, чтобы прокормить свои многочисленные семьи, оставленные на родине. Так дом стал перевалочным пунктом для тех, кто ехал в Томск поработать на стройках. Нового хозяина звали Сурэн, и он помогал, по его словам, своим «землякам» устроиться на работу в хорошие места, туда,

где не обманут. Со временем оказалось, что Сурэн предоставлял жильё и посредничество за довольно приличные деньги. Не было никаких гарантий для жильцов и в работе, обман всё равно был, многим работникам на стройках недоплачивали, поэтому жильцы постоянно менялись. Да и работали они часто допоздна. Где уж им было следить за двумя собаками, оставшимися во дворе, как бы в нагрузку к занимаемому жилью.

Один безродный пёс по кличке Шарик был уже старым, он сидел на цепи и спал в будке, а другая – молодая овчарка Альфа, специально обученная в «институте для собак», цепь не признавала и свободно гуляла по двору. Её запирали в сарай только на ночь. Овчарка принадлежала Сурэну. Он приобрёл её за хорошие деньги, а затем и обучил у специалиста, отдав и за это немалые средства. Но в конце концов не захотел взять к себе в городскую квартиру. Так она и осталась жить при деревянном доме. А старый пёс вместе с будкой достался от бывшего хозяина второй половины дома.

Обе собаки несли верную службу: чужих во двор не впускали. Всех маленьких им представляли, предлагали обнюхать, говоря несколько раз: «Это свой, свой!». Вот только кормить сторожей было некому, да часто и нечем. Кормил только Палыч, когда жил в своей половине дома. А когда он переехал, хозяин стал оставлять еду для собак своим квартирантам. Привезёт, бывало, раз в неделю какие-то кости, иногда крупы, засохшие остатки хлеба. Жильцы сложат эти пакеты в углу сеней, всё смешивается, портится или раздавливается под неосторожной ногой проходящих мимо.

За чужим хозяйством редко кто хорошо следит. Да и некогда было жильцам порядок наводить. По несколько человек проживало в каждой из комнат дома. Однажды конфликт был большой: узбеки не ужились с таджиками. Еле развели. И посредником-миротворцем и здесь выступил Николай Палыч. Он умел налаживать отношения хоть с кем, прежде всего вызывая доверие своей наружностью – круглым, добродушным лицом и небесно-голубыми глазами, смотревшими на мир доверчиво и восторженно.

Располагал Палыч и своей постоянной готовностью помочь, а ещё – искренним интересом к жизни людей. Жильцов он подкупал тем, что хорошо запоминал имена, и когда беседовал, всегда спрашивал: – А как по-вашему называется «хлеб», «вода», «здравствуй», «до свидания»? А затем удивлял приезжих тем, что вдруг вворачивал в разговор их родное словечко. Слова звучали с акцентом, а то и вовсе неправильно, это рабочих очень сместило. Они улыбались, их вечно усталые и хмурые лица просветлялись, а измождённые трудом тела расслаблялись. Мужчины начинали шутить и разговаривать. Но беседовать они могли только в редкие выходные. В остальные дни работники приезжали поздно, и им было не до разговоров. И не до собак. Что-то кинут и ладно.

Когда Палыч закончил ремонт в своей новой комнатухе и пришёл проведать собак, они накинулись на него, повизгивая от радости и виляя хвостами. Но вид у них был печальный. Грязные, исхудавшие...

Так Палыч и стал приезжать каждый день, как на работу, в свой бывший дом, благо наконец-то ушёл окончательно на пенсию. Он приезжал, кормил собак и выгуливал их на улице. Каждый раз они радостно прыгали вокруг

него, ставили лапы на грудь, стремясь лизнуть прямо в лицо. Или вдруг резко припадали на передние лапы, приглашали поиграть, весело мотая хвостами из стороны в сторону. Если же среди квартирантов попадался сердобольный жилец, то и он подкармливал собак. Так и выживали.

Но, однажды, стремясь укоротить путь, Палыч завернул на тропинку и пошёл вдоль оврага. Там он и рассмотрел среди брошенных брёвен и досок ошенившуюся собаку. Она была очень худа: кожа да рёбра и длинные, вытянутые почти до земли, соски. Рядом копошились восемь щенков, которых надо было кормить. - А откуда взяться молоку-то, если и сама мамаша живёт впроголодь?! Ах ты жизнь собачья, как же вам, уличным-то, выживать, - посетовал Палыч и стал подкармливать и эту собачью семейку.

Теперь у Палыча была уже двойная ответственность: за трёх взрослых собак и восьмерых маленьких щенков. В ход шло всё. То крупу, то картошку, то какие-то кости хозяин в дом привезёт, то сам Палыч чего-то докупит. Всё варил вместе, как поросётам. И странное дело - собаки ели такое варево с удовольствием. Хлеб он обычно сушил, сухарики измельчал и насыпал сверху этого варева - уже в миски. А в конце выдавал подопечным косточки, если они были. Ну а собачьей мамаше он даже молоко покупал, чтобы своего больше прибывало. Сначала она боялась и даже рычала, когда он подходил к какому-нибудь любопытному щенку, выглядывающему из-под брёвен. Но потом она позволила Палычу не только оставлять еду, но и наблюдать за щенками.

Так и жил добрый Палыч до поры до времени, пока не стала его одолевать бессонница по ночам. Да и шутка ли сказать, восьмой десяток лет уже разменял, столько всего накопилось пережитого. Наступило время всё это вспомнить да осмысливать.

- Парадоксальная штука жизнь, - размышлял он, лёжа в постели. Вот всю жизнь не высыпался, в армии даже приноровился спать прямо на ходу в строю, так хотелось хоть лишнюю минуточку да ухватить. Иногда даже завидовал пенсионерам - сколько хочешь могут спать. А вот сам пошёл на пенсию, всё - полная свобода, спи сколько угодно. А не спится, то мысли одолевают, то болячки. Можно было бы почитать молитвы. Но он уже сегодня молился почти час, обращаясь к своему тёзке, защитнику и хранителю - Николаю Чудотворцу, большая икона с ликом которого стояла на специальном угловом столике в красном углу. Икона была старинная и досталась Палычу, как и Библия, от его деда - столоначальника, работавшего в начале двадцатого века в томской управе.

Николай Палыч повернулся на другой бок, вздохнул, попытался отогнать мысли счётом, но, досчитав до ста, ещё больше взбодрился. В конце концов встал, прошёлся на кухню, зевая, попил водички. Вдруг услышал лай. Сначала одиночный, затем к нему примкнули другие псы, послышался и резкий визг одной из собак. - Ну вот, уличные собаки, наверное, подрались, - подумал Палыч и вышел на балкон.

На мусорной площадке разыгрывалась целая драма. Несколько собак, довольно крупных, защищали мусорные баки от другой собачьей стаи. Присмотревшись, Палыч заметил, что одна из собак была поменьше и хромала.

На следующую ночь Николаю Палычу также не спалось, и он опять вышел на балкон. И снова увидел собачью вагагу. Может быть, и не узнал бы, если бы не эта, запомнившаяся ему – небольшая, белая и прихрамывающая на одну лапу, кудлатая собачонка, которой все псы покровительствовали. Палыч заметил, что в этой дружной стае всё было налажено по уму. Два пса прыгали на мусорные баки сверху и начинали носом и лапами рыться среди пакетов. Они быстро чуюли съедобное, даже сквозь полиэтиленовую плёнку, и сбрасывали такие пакеты вниз на асфальт. Другие псы подбегали к ним, разгрызали плёнку и доставали то, что можно было съесть. Но почему-то не ели. Всегда первой подпускали белую собачонку. Та подходила, чего-то выбирала. И лишь когда она съедала всё, что ей понравилось, к трапезе приступали остальные.

– Надо же как! А ещё, говорят, что у собак, как и у волков, чёткая иерархия. Пока самый сильный пёс-вожак не наестся, другие не посмеют подойти. А может быть, эта белянка и есть их вожак? Ведь не обязательно вожак должен быть большим и сильным, главное – быть умным. А может, собачонка – это их мать и родоначальница всей стаи, поэтому к ней – особое почтение, – размышлял Палыч, устраиваясь спать.

Заснул Николай Палыч только под утро, но хоть и не выспался, встал ровно в шесть тридцать, как и привык вставать за долгие годы – и в будни, и в выходные дни. Он уже знал, что сделает сегодня вечером после всех насущных дел.

Вечером Палыч собрал разные остатки еды на газетку и отнёс всё это на помойку. Сделал он это поздно вечером, так как утром приезжала мусорная машина, и рабочие могли всё это выбросить. А ночью опять встал на свой пост на балконе. Ровно в полвторого ночи показались собаки. Они деловито обнюхали все мусорные баки и площадку вокруг них. Быстро нашли гостинцы и съели их. Так Палыч, кроме «своих собак» стал иногда подкармливать и эту уличную семейку. Возможно, что и не всегда эти гостинцы доставались именно этим собакам. Главное, что они съедались кем-то и приносили пользу.

Но не только пользу приносить нравилось Палычу, ему было приятно «спасать сами продукты». Так он выражался, относясь к продуктам, как к живым результатам человеческого труда. – Всё это выращено и приготовлено, а значит, должно быть отправлено по назначению. Иначе еда обидится! Сколько продуктов люди выбрасывают на помойку, сколько покупают и варят с избытком. Скольких голодных можно было накормить! А где-то еды полно и она пропадает... Ох-хо-хонюшки, – сетовал он.

Не брезговал Палыч и что-то с помойки принести. – А что? – говорил он соседке. – Целую булку хлеба выкинули. Это надо ж так! А я её размочу и размешаю вместе с крупой, да полью сверху бульоном из костей. Любо-дорого! Собаки с радостью слопают! И всё хорошо, и все довольны, – говорил он и улыбался своей широкой, доброй улыбкой.

– На помойке же много чего нужного можно найти. Я, когда в своём домике жил, всякие доски, ящики да поломанные после грозы ветки подбирал. Всё это распиливал и – в сарай. Чтобы зимой печку топить. У меня всё шло в дело. Я дрова не покупал, я их всегда добывал. А однажды даже кучу книг нашёл. Там же – на помойке. Конечно, забрал. Потом долго читал и думал, как это так:

разве можно книги выбрасывать? Они же как живые, в каждой – своя жизнь. Так рассуждал Николай Палыч.

Вот и сегодня, как всегда в конце дня, Палыч приготовил еду для себя и отдельно для собак, затем поел, прочитал все необходимые на вечер молитвы. Прочитал и очередную главу из Библии, на первой странице которой была красивая подпись его дедушки, и наконец прилёг на свой диван.

«В жизни надо кому-то помогать. Иначе в этой жизни нет смысла», – думал в очередной раз Николай Палыч, засыпая. И это было опорой для него. Ему снилось детство, мама и дорогие ему люди, а также собаки, которые весело встречали его, ставя лапы на грудь и виляя хвостами.